Следственные действия по политическим преступлениям в Московском государстве

Упоров Иван Владимирович
Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания, uporov@list.ru

В статье раскрываются организационно-правовые аспекты производства основных следственных действий по политическим преступлениям (посягающим на государственные интересы) в период конца XV – середины XVII вв. Анализируются соответствующие нормативно-правовые и правоприменительные акты в данной сфере общественных отношений, при этом акцент делается на Соборном уложении 1649 г. В этом фундаментальном законе тех времен нашли отражение многие особенности производства таких следственных действий, как расспрос (допрос), очная ставка, пытка, повальный обыск, причем на более системном уровне, чем в предшествовавших Судебниках 1497 и 1550 гг. Привлекаются также суждения, содержащиеся в научных трудах по заявленной теме. Отмечается, что указанные следственные действия производились чиновниками приказов (среди них в этих вопросах большое значение имел Разбойный приказ), а на местах это делалось под руководством воевод.

Ключевые слова: Московское государство, судебники, Соборное уложение, преступления против государства, следственные действия, допрос, пытка.

Введение

История российского права и государственности не может быть понята в отрыве от того, как власть делала все возможное для того, чтобы устанговить истину. Речь идет о механизмах преследования за государственные преступления, изучение которых позволяет получить полное представление об эпохе, скрытой за парадными фасадами великокняжеских хором. Именно в приказных избах и пыточных палатах были заложены основы тех принципов управления огромной страной, которые впоследствии будут положены в основу управления Российской империей.

В наши дни обращение к опыту Московского государства дает возможность проследить эволюцию отечественной следственной традиции и понять исторические корни нашего процессуального права.

Отметим, что правовая мысль Московского государства развивалась последовательно: от ранних княжеских уставов к единым сводам законов Ивана III (Судебник 1497 г.) и Ивана IV (Судебник 1550 г.) и Соборному уложению 1649 г. царя Алексея Михайловича. Именно в этих документах впервые были предприняты попытки систематизировать составы политических правонарушений, т.е. преступлений против государства. Законодатель четко выделил эти преступления из общей массы уголовных дел, поставив посягательство на честь государя, измену или заговор намного выше разбоя или убийства.

При этом, с одной стороны, Судебники и Соборное уложение декларировали определенные правила судопроизводства, требовали наличия истца, оформления исковой челобитной и состязательности сторон даже в тяжких делах, т.е. закон вроде бы стремился придать «расправе» вид упорядоченного правосудия. Однако, с другой стороны, специфика политических преступлений неизбежно вела к тому, что как только дело касалось словесного оскорбления государя (слова и дела), покушения на его жизнь или сношений с неприятелем, состязательный процесс уступал место сыску.

А в центре этого механизма находились конкретные следственные действия. Сыск, начинавшийся с доноса или повального обыска, неминуемо переходил в стадию получения истины, т.е. признаний. А главным инструментом становился допрос с применением пытки; причем пытка была легализована как способ проверки показаний и перехода из стадии подозрения в стадию доказанного судом факта. Как следствие, насилие оказывалось встроено в сам процесс следственных действий и поиска справедливости.

Следует отметить, что в современной научной литературе достаточно много внимания уделяется исследованию специфики предупреждения и профилактики преступлений и иных правонарушений в Московском государстве [1, 2, 3, 4]. Так, А. Г. Рябченко рассматривает особенности уголовно-правового регулирования составов преступлений против имущества и ответственности за их совершение в Московском государстве XVII в. [2]. Ю. С. Караваева пишет об учете статусно-ролевого положения субъекта преступления в целях дифференциации уголовной ответственности по законодательству Московского государства в XIV–XVII вв. [3]. А. А. Рожнов приходит к выводу о том, что субъектом преступления по уголовному праву Московского государства XVI–XVII вв. признавался только человек [4, с. 38–40].

В этих исследованиях институт политических преступлений занимает весьма важное место. Например, В. В.

Литвиненко, Е. К. Тополенко, анализируя специфику формирования института политических преступлений в Московском государстве, отмечают, что определившийся на стадии формирования централизованного государства «публичный интерес нуждался в защите уголовного права, вследствие чего именно институт политических преступлений развивался наиболее активно в уголовном праве Московского периода» [5, с. 91–94].

Важно подчеркнуть, что термин «политические преступления» в источниках того периода синонимичен понятиям «преступления против государства» или «государственные преступления» [6, с. 179–181; 7, с. 195–199; 8, с. 15–18]. Рассматривая особенности организации судебного процесса по государственным преступлениям в Московском государстве XVII в., российские ученые выявляют «обязательное условие осуществления уголовного преследования по делам данной категории – процедура извета, доступная всем независимо от сословной принадлежности изветчика – доносителя», а также отмечают «отсутствие в законодательстве строго установленных процедур уголовного преследования по государственным преступлениям, и его письменно-заочный характер на стадии принятия итогового решения – приговора» [9, с. 80–84]. И, наконец, И. В. Тарасенко по итогам анализа письменных исторических источников и работ современных историков отечественного права, посвященных особенностям досудебного производства по делам о государственных преступлениях в Московском государстве XV–XVII вв., приходит к выводу о «существовании в России в указанные столетия разыскного (или инквизиционного) уголовного процесса» [10, с. 167–178].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить организационно-правовые особенности производства основных следственных действий по политическим (государственным) преступлениям в период конца XV – середины XVII вв.

Основная часть

В период до сложившегося Московского государства (XVII в.), т.е. в Древнерусском государстве, а также в первую половину существования Московского государства производство по уголовным делам против государства осуществлялось на основе обычаев и правовых актов, которые еще не были достаточно полными и подробными, почему, собственно, и использовались нормы обычаев. Так, в Древнерусском государстве еще не было целенаправленного разделения на гражданское и уголовное судопроизводство (соответственно, на состязательный и розыскной процесс). При этом древнерусский законодатель закреплял лишь несколько видов доказательств, такие как свидетельские показания («видоков» и «послухов»), ордалии, судебные поединки, присяга. К этому перечню С. Ф. Юшков добавляет жребий, а также считает (опять же предположительно), что использовались и такие виды доказательств, как собственное признание и внешние признаки (прообраз судебно-медицинской экспертизы) [11, с. 413]. Основным источником права был Русская Правда, которая дополнялась новыми актами – княжескими уставами, Двинской, Псковской, Новгородской судными грамотами и др. Роль государства еще не была активной при совершении общественно-опасных деяний, и дело возбуждалось, как правило, по иску потерпевшей стороны. В то время административные органы еще не были отделены от судебных, соответственно, например, на созданную Расправную палату при Боярской думе были возложены разбирательство уголовных дел, розыск преступников и их наказание [12, с. 308].

В дальнейшем, уже в Московском государстве, процессуальные нормы становятся все боле подробными. Так, в Судебнике 1497 г. новеллы касаются прежде всего именно розыскного процесса, т.е. происходит определенное укрепление розыскных начал, где главенствующее положение принадлежит государственным органам, а не частным лицам. Такое положение можно объяснить, очевидно, тем, что по мере развития общественных отношений все более четко выделялись социальные ценности, среди которых не последнее место занимало само государство как определенный гарант фактически складывающихся социальных отношений; соответственно, власть стала ужесточать как ответственность за политические преступления, так и процессуальные требования к возбуждению, расследованию и судебному рассмотрению соответствующих уголовных дел.

Группа соответствующих норм начинается со ст. 37, которая именуется как «Указ наместником о суде городским». Анализ норм судебника позволяет выделить по мере возрастания судебной силы следующие виды судов: наместничий суд; боярский суд; великокняжеский суд, т.е. в отличие от Древнерусского государства здесь обозначается разделение судебных инстанций по вертикали. Это были общие государственные суды (помимо них функционировали церковные и вотчинные суды, которые здесь не рассматриваются). Тогда же развивалась система приказов в рамках тенденции централизации государственного аппарата. Основными средствами розыска были поличное (улики), повальный обыск и пытка. Повальный обыск, как и в Древнерусском государстве, заключался в опросе местных жителей на территории, где предположительно проживал обвиняемый. Обыск производили губные учреждения, а также воеводы, причем допрашивались люди всей губы или представители (по одному) от каждой выти. При повальном обыске отбирались не только показания тех людей, которые сами видели какое-либо событие, но и тех, которые слышали или даже просто были убеждены в том или ином важном для розыска факте. Общее «облихование» (обвинение) означало виновность и могло повлечь за собой суровое наказание, вплоть до смертной казни (ст. 39 Судебника). Если же при повальном обыске общество называло уличаемого «добрым» человеком и показывало, что он не бывал уличаем прежде, то его били кнутом на торгу и отдавали на поруки, а ежели порук по нем не было, то его сажали в тюрьму до тех пор, пока не находились поруки.

Представляет интерес использование пытки как следственно-судебного действия (здесь заметим, что еще не было четкого разделения на стадии предварительного следствия и собственно судебного рассмотрения). Такое процессуальное действие закрепилось именно как раз в Московском государстве. Облихованного (того, кто попал под подозрение или обвинение) пытали с целью вынудить собственное признание в преступлении и указание на соучастников. Обычным видом пытки на Руси была так называемая «дыба». Обвиняемому завязывали сзади руки, привязывали к ним веревку, и этой веревкой через блок, укрепленный на потолке, выворачивали их из плеч. Были и другие способы пытки. Как отмечает Н. Калачев, пытка была одним из основных способов выяснения обстоятельств дела при производстве дел розыском: правительство приняло на себя обязанность истца и не усомнилось ввести в уголовный процесс новое доказательство, неизвестное в гражданском процессе, именно пытку, на которой и был основал весь новый порядок судопроизводства [13, с. 389]. Помимо повального обыска, пытки, очной ставки при розыске применялись и освидетельствования, осмотр места происшествия.

Следующий важный правовой акт – Судебник 1550 г. мало изменил существа уголовного процесса в Московском государстве, были введены лишь некоторые уточнения. Требовалось, в частности, чтобы во время следственно-розыскных действий дьяк составлял «судные

списки», а дворский (управитель княжеского двора) и губной староста «прикладывали руки» к этим судным спискам, которые в дальнейшем были основой для судебного решения. После издания Судебника 1550 г. и до принятия Соборного уложения 1649 г. важное процессуальное значение имела Уставная книга Разбойного приказа сначала в редакции 1556 г., а затем, после дополнения, 1617 г.

Этот «силовой» орган Московского государства подробно описал А. А. Голубев, указывая, в частности, что Уставной книге Разбойного приказа определялось производство отдельных видов следственных действий. Так, предписывалось обвиняемых брать под арест, а дворы их, имение и хлеб молоченый опечатывать, а хлеб, стоящий еще в поле, на корню, описывать и все это отдавать на сохранение обществу до тех пор, пока не окончится суд; самих же обвиняемых подвергать пытке; если на некоторых людях будут искать обвинения, но без поличного, и если истец для подтверждения своего иска не может представить других доказательств, кроме «поля» и крестного целования, то о таких людях делать повальный обыск; а если на обыске скажут, что они лихие люди, но лиха их не укажут, то их пытать, и если повинятся с пытки, то сажать их в тюрьму до государева указа, а имение их опечатать [14, с. 73].

Специальных актов, определявших специфику производства по политическим преступлениям, тогда не было. Но в дальнейшем это стало находить отражение в законодательстве Московского государства, прежде всего в Соборном уложении 1649 г. [15]. Постепенное обособление уголовного процесса в части рассмотрения уголовных дел, связанных с преступлениями против государства, было обусловлено прежде всего укреплением абсолютизма, признаки которого в XVII в. уже в достаточной степени стали проявлять себя в российском обществе и находить отражение в соответствующей реакции высших правящих структур (царь-государь, бояре и др.), направленной на жесткое подавление всяких попыток подорвать их власть. Соответственно, «государственные преступники того времени рассматривались как личные враги главы государства» [16, с. 39].

Важнейшее значение в производстве по делам о государственных преступлениях в то время имел извет, при этом изветчик одновременно выступал в роли обвинителя и способствовал сбору доказательств, вместе с тем на изветчика налагалось жесткое наказание за недонесение извета до должностных лиц, равно как за лживое обвинение. Сокрытие извета должностным лицом, которое приняло извет от изветчика, расценивалось как тяжкое служебное преступление. Указанные позиции нашли отражение в ст. 18 Гл. II Соборного уложения, где указывается: «А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают, или услышат на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех воеводам и приказным людем» [15]. И тут же, в следующей статье, законодатель устанавливает ответственность за ослушание: «А будет кто сведав, или услыша на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, а государю и его государевым бояром и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады» [15].

В ст. 18 Гл. II Соборного уложения содержится перечень основных государственных преступлений: измена; скоп и заговор; посягательство на государево здоровье; помимо этого имелись составы и других преступлений, в той или иной степени посягающих на государственные устои (фальшивомонетничество, взяточничество и др.). Но при этом имеется такая фраза: «иной какой злой умысел». Как видно, законодатель не дает исчерпывающего перечня политических преступлений, о которых должна была идти речь в изветах. Как показывает анализ материалов по государевым делам и соответствующая историко-правовая литература, в изветах речь шла прежде всего об оскорблении государя (и в целом всего государства) «непристойным словом». Изветы давались как в виде письменных челобитных, так и устно. Изветная челобитная по государеву делу должна была включать сведения о личности изветчика – анонимность отвергалась. Так, в наказах воеводам встречается наставление «сыскивать по явным подлинным изветам», т.е. не явные (здесь от слова «явиться» – изветчик должен явиться к представителям государства).

Тем не менее, как пишет И. Я. Гурлянд, в правоприменительной практике анонимные челобитные все же принимались к производству и по ним уголовно-политические дела возбуждались так же, как по подписанным изветным челобитным. Подметные письма обычно находили обычно в разных дворцовых помещениях. Нашедший такое письмо обязан был немедленно сообщить об этом органам власти, сокрытие такого письма рассматривалось как недоносительство в государственном преступлении со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, в некоторых случаях предметные письма могли служить в качестве вещественных доказательств [17, с. 93]. Например, в приговоре по делу князя И. А. Хованского (в связи с стрелецким восстанием 1682 г.) указывалось: «да сентября во втором числе на дворце у передних ворот письмо явися, и твоим государственные дела и измена твоя с тем письмом сходны и злохитрый твой умысел на державу государеву обличился, и против того письма в тех делах ты означился и во всем измена твоя стала ясна» [18, с. 459].

Извет о государственном преступлении означал собой начало производства по уголовно-политическому делу, что, собственно, и представляло собой политический сыск как последовательность следственно-розыскных действий, по окончанию которых уже в стадии судебного рассмотрения определялся приговор, при этом в качестве суда выступал сам государь, в некоторых случаях – бояре и приказы (по уполномочению государя). При этом внимание чиновников-следователей концентрировалось на показаниях – сначала изветчика, а затем на показаниях всех лиц, так или иначе причастных к этим преступлениям (в отличие от производства по общеуголовным преступлениям, где доказательствами были также вещественные доказательства, различные расписки, записи в учреждениях и т.д. и где не было жестко-субъективного направления следственно-судебных действий). Другой особенностью политического сыска было то обстоятельство, что он проводился в условиях повышенной секретности. Так, воевода допрашивал изветчика, как правило, наедине, нередко такие дела именовались как «тайные царственные дела». Отметим и такую характерную черту политического сыска, как неотложность проведения следственно-розыскных действий (опять же в отличие от дел по общеуголовным преступлениям). На этот счет в Соборном уложении 1649 г. указывалось: «А в воскресной день никого не судити и в приказех не сидеть и никаких дел не делати, опричь самых нужных государьственных дел. Да суда же не судити и никаких дел в приказех не делати, опричь великих царьственных дел» (ст. 25 Гл. X) [15].

При проведении первых допросов физического воздействия на допрашиваемых обычно не было, но в дальнейшем, когда показания не устраивали следователей, пытки применялись (как правило, на пытку нужно было запрашивать разрешение государя и иных высших лиц),

причем в практике этому предшествовали угрозы таковых («если он не скажет в правду без хитрости, то укажет государь его пытать»). Для убедительности таких угроз допрос часто проводился помещении, где находились орудия пыток. В. И. Веретенников приводит такие случаи. Так, томский воевода отписывал в Москву, что «принес ему Ржевский память, а в ней пишет, что стрелецкий десятник Кутькин сказывал на казака Осокина, будто тот про государя говорил невместимое слово … и мы Кутькина, поставя со Ржевским очей на очи, расспрашивали, и Кутькин сказал, что Ржевский затеял такое дело по недружбе, и после того мы Кутькина и Осокина, разведя опрознь, их распрашивали и пыткой стращали с ума их выводили, чтоб сказали, а пытать без твоего государеву указу мы не смели». А разрешение на пытку давалось в текстах государевых грамот в ответ на воеводские отписки по конкретным делам и в отношении конкретных лиц, например: «Будет изветчик в расспросе государева дела не скажет, и его велено пыткой постращать, а не пытать, да о том отписать государю» [19, с. 15].

Н. Я. Новомбергский, раскрывая подробности этого следственного действия, пишет о том, что изветчик и другие фигуранты уголовно-политического дела не могли уклониться от допроса («расспроса») – это было обязательным следственным действием. Если уклонялись, то применяли меры принуждения, в частности, посылали за ним пристава и доставляли «в съезжую избу к расспросу», если и там не давали объяснений, то тогда, опять же с разрешения свыше, фигуранты могли быть подвергнуты пытке, чтобы «государева дела не таил» [20, с. 152].

Следующее следственное действие по государственным преступлениям в виде очной ставки прямо указывается в Соборном уложении 1649 г.: «А кто на кого учнет извещати государево великое дело, или измену, а того, на кого он то дело извещает в то время в лицах не будет, и того, на кого тот извет будет сыскати и поставить с изветчиком с очей на очи, и против извету, про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего» (ст. 16 Гл. II) [15]. Очная ставка производилась не только между изветчиком и обвиняемым, но и между изветчиком и теми свидетелями, которых он сам указывал, но которые опровергали его извет: в этом случае изветчику предоставлялась возможность «уличить» таких свидетелей. Во время очной ставки также осуществлялся расспрос участников дела, а их одновременное присутствие позволяло с большей объективностью судить об истинном развитии событий, указываемых в извете. Результатом очной ставки был протокол, который направлялся воеводой или иным чиновником под тем же названием – «очная ставка».

Соборное уложение регулировал и такое следственное действие, как упомянутый выше повальный обыск, но в целом значение повального обыска в Московском государстве времен Соборного уложения 1649 г. снижается, в частности, облихованному позволяется бить челом о повторении повального обыска, сводится на нет принцип единогласия обыскных людей, допускается спор между ними и даже уличение друг друга, что видно по содержанию ст. 161, 162 Гл. X Соборного уложения 1649 г. Вероятно, при таких обстоятельствах верховная власть не желала, чтобы государево дело могло зависеть от показаний множества опрошенных людей, учитывая тем более, что совместность проживания обыскных (опрашиваемых) людей могла влиять на обобщенное мнение по итогу повального обыска. Нельзя также забывать о том, что извет был обязанностью каждого подданного, и если обыскных людей, например, спрашивали о том, изменял ли обвиняемый государю, то сказать «нет» нередко могло означать для них неприятностями, ведь они, если «ведали», должны были сообщить властям, а несообщение влекло за собой уголовную ответственность. В результате исторически первоначальная функция повального обыска (выявление репутации обыскиваемого человека, собирание отзывов о нем, характеризующих его личность) постепенно сходила на нет. Но тогда повальный обыск еще применялся, и при этом законодательно определялось, по каким преступлениям против государства это следует делать. Например, в ст. 22 Гл. II Соборного уложения речь идет о «скопе-заговоре» и мятеже: «А будет ис которого города, или ис полков воеводы и приказные люди отпишут к государю на кого на служилых, или иных чинов на каких людей, что они приходили к ним скопом и заговором, и хотели их убити; а те люди, на кого они отпишут, учнут бити челом государю на воевод и на приказных людей о сыску, что они скопом и заговором к ним не прихаживали, а приходили к ним немногие люди для челобитья, и по тому челобитью про них в городех сыскивати всем городом, а в полкех всеми ратными людьми. Да будет сыщется про них допряма, что они в городех и в полках к воеводам приходили для челобитья, а не для воровства, и их по сыску смертью не казнити. А воеводам и приказным людем, которые на них отпишут к государю ложно, за то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [15].

Доказательствами при производстве уголовно-политических дел могли быть и вещественные доказательства («поличное»); как отмечалось выше, они использовались значительно реже, чем по общеуголовным преступлениям. Мерой пресечения в отношении обвиняемого чаще всего было личное задержание (арест), который исполнялся караулом при съезжей избе либо в тюрьме, если процесс осуществлялся в городе. Одновременно производился арест собственности обвиняемого (разумеется, в случаях, если таковое имелось) с целью обеспечения возможной конфискации имущества. При болезни обвиняемый мог быть помещен в богадельню, применялось и поручительство, но очень редко.

На основе собранных во время следствия материалов-доказательств в отношении обвиняемых выносился приговор, проект которого предлагали чиновники-следователи. Как правило, окончательное решение было за государем, причем государь делал это по докладам («выпискам») бояр или приказных чиновников, лично не зная и не видя подсудимого. И лишь в особо важных случаях царь сам проводил расспросы; но и по другим делам держал в поле своего зрения ход самих производств по политическим преступлениям. Приговор обычно зачитывался в нескольких местах – «у приказа», «у плахи» (в отношении приговоренных к смертной казни), «у церкви» (в исключительных случаях, если государь полагал целесообразным, чтобы осужденный покаялся). Приговор («сказку») зачитывал воевода или дьяк.

Заключение

Проведенный анализ следственной практики Московского государства позволяет прийти к выводу о том, что «допрос» и «пытка» не были актами слепого произвола, а представляли собой строго регламентированную законом технологию производства истины. Эволюция законодательства Московского государства от ранних Судебников к Соборному уложению 1649 г. лишь закрепила приоритет государственного интереса над личностью, окончательно подчинив процессуальную форму задаче искоренения любых «преступлений против государства».

Литература

1. Мельник, Е. В. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в Московском государстве XV-XVII вв / Е. В. Мельник // На страже правопорядка и законности : Сборник научных статей, посвященный 300-летию образования российской полиции. –

Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2017. – С. 13-17. – EDN YRUEBF.

2. Рябченко, А. Г. Уголовно-правовое регулирование составов преступлений против имущества и ответственности за их совершение в Московском государстве XVII в / А. Г. Рябченко // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 4(119). – С. 124-126. – EDN XMGJED.

3. Караваева, Ю. С. Учет статусно-ролевого положения субъекта преступления в целях дифференциации уголовной ответственности по законодательству Московского государства (XIV-XVII вв.) / Ю. С. Караваева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28, № 4. – С. 555-560. – EDN XYZMUX.

4. Рожнов, А. А. Субъект преступления по уголовному праву Московского государства XVI-XVII вв. / А. А. Рожнов // История государства и права. – 2012. – № 7. – С. 38-40. – EDN NRMFXH.

5. Литвиненко, В. В. Формирование института политических преступлений в Московском государстве / В. В. Литвиненко, Е. К. Тополенко // Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее : Сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции. В 3-х томах, Курск, 19–20 октября 2023 года / Редколлегия: А.А. Горохов (отв. редактор). Том 2. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2023. – С. 91-94. – EDN FONHVG.

6. Игнатьев, С. М. Преступления против государства в Московском государстве и ответственность за их совершение в XV-XVIIвеках / С. М. Игнатьев, А. Г. Рябченко // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 110-8. – С. 179-181. – DOI 10.18411/trnio-06-2024-446. – EDN LFKZCA.

7. Реуф, В. М. Эволюция понятия "преступление против государства" в отечественном праве XV-XVII вв / В. М. Реуф // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях, Самара, 30–31 мая 2019 года. Том Часть 2. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 195-199. – EDN ZBXHPF.

8. Суханов, М. С. Понятие государственного преступления и его видов в законодательных актах XV-XVII веков / М. С. Суханов, А. Н. Гаращенкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 5-1. – С. 15-18. – EDN USIWMI.

9. Рябченко, А. Г. Особенности организации судебного процесса по государственным преступлениям в Московском государстве в XVII веке / А. Г. Рябченко, Д. С. Злыденко // Общество и право. – 2023. – № 2(84). – С. 80-84. – EDN IFQPAY.

10. Тарасенко, И. В. Особенности досудебного производства по делам о государственных преступлениях в Московском государстве XV-XVII веков / И. В. Тарасенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – № 1(838). – С. 167-178. – EDN EMMRKK.

11. Юшков, С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.) / С. В. Юшков. – Изд. доп. и перераб. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 735 с.

12. Иванов, П. И. Профессиональный сыск глазами профессора В.П. Лаврова / П. И. Иванов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 307-310. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_307. – EDN CFDGEK.

13. Калачов, Н. В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича / Н. В. Калачев // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского Университета. – М.: В Университетской типографии, 1842. – Том II. – С. 306–408.

14. Голубев, А. А. Разбойный приказ / А. А. Голубев. – М., 1884.

15. Соборное уложение от 20.01.1649 г. // ПСЗ-1. – № 1.

16. Панфилец, А. В. Зарождение политического сыска России: от опричнины до приказа тайных дел / А. В. Панфилец, А. Б. Федоров, А. Л. Бредихин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 1(99). – С. 37-43. – EDN RIDVXO.

17. Гурлянд, И. Я. Приказ великаго государя тайных дел = Приказ великого государя тайных дел / И. Я. Гурлянд, проф. Демид. юрид. лицея. – Ярославль : Тип. Губернскаго правления, 1902. – 390 с.

18. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть 4. – Москва : в типографии Н.С. Всеволожскаго, 1813–1894. – Москва, 1828. – 656 с.

19. Веретенников, В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени : [Дис.] / В.И. Веретенников. – Харьков : тип. "Печ. дело", 1910. – 306 с.

20. Новомбергский, Н. Я. Слово и дело государевы: (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Том 1 / Н. Я. Новомбергский. – Москва : печ. А. И. Снегиревой, 1909–1911, 1911. – 593 с.

Investigative actions on political crimes in the Moscow state

Uporov I.V.
Russian Academy of Natural Sciences

The article reveals the organizational and legal aspects of the main investigative actions for political crimes (violating state interests) during the period of the late 15th – mid-17th centuries. The relevant regulatory and legal acts in this area of public relations are analyzed, with an emphasis on the Council Code of 1649 – this fundamental law of those times reflected many of the features of such investigative actions as questioning (interrogation), confrontation, torture, general search. and at a more systemic level. than in the previous Sudebniks of 1497 and 1550. Judgments contained in scientific works on the stated topic are also used. It is noted that these investigative actions were carried out by officials of the orders (among them, the Robust Order was of great importance in these matters), and locally this was done under the leadership of the governor.

Keywords: Moscow state, code of law, Council Code, crimes against the state, investigative actions, interrogation, torture.

References

1. Melnik, E. V. Prevention and prevention of crimes and other offenses in the Moscow state of the 15–17 centuries / E. V. Melnik // On guard of law and order : A collection of scientific articles dedicated to the 300th anniversary of the formation of the Russian police. – Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. – Pp. 13-17. – EDN YRUEBF.
2. Ryabchenko, A. G. Criminal law regulation of crimes against property and responsibility for their commission in the 17th century Moscow state / A. G. Ryabchenko // Eurasian Law Journal. – 2018. – No. 4(119). – Pp. 124-126. – EDN XMGJED.
3. Karavaeva, Yu. S. Consideration of the status and role position of the subject of crime in order to differentiate criminal liability under the legislation of the Moscow state (14–17 centuries) / Yu.S. Karavaeva // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. – 2018. – Vol. 28, No. 4. – pp. 555-560. – EDN XYZMUX.
4. Rozhnov, A. A. The subject of a crime under the criminal law of the Moscow state of the 16–17 centuries / A. A. Rozhnov // History of the state and law. - 2012. – No. 7. – Pp. 38-40. – EDN NRMFXH.
5. Litvinenko, V. V. The formation of the institution of political crimes in the Moscow state / V. V. Litvinenko, E. K. Topolenko // Problems and prospects of Russia's development: Youth perspective on the future : Collection of scientific articles of the 6th All-Russian Scientific Conference. In 3 volumes, Kursk, October 19-20, 2023 / Editorial board: A.A. Gorokhov (editor-in-chief). Volume 2. – Kursk: Closed Joint Stock Company "University Book", 2023. – Pp. 91-94. – EDN FONHVG.
6. Ignatiev, S. M. Crimes against the state in the Moscow state and responsibility for their commission in the 15–18 centuries / S. M. Ignatiev, A. G. Ryabchenko // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 110-8. – Pp. 179-181. – DOI 10.18411/trnio-06-2024-446. – EDN LFKZCA.
7. Reuf, V. M. The evolution of the concept of "crime against the state" in Russian law of the 15–17centuries / V. M. Reuf // Penitentiary security: national traditions and foreign experience : Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference: in 2 parts, Samara, May 30-31, 2019. Part 2. –Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2019. – Pp. 195-199. – EDN ZBXHPF.
8. Sukhanov, M. S. The concept of a state crime and its types in legislative acts of the XV-XVII centuries / M. S. Sukhanov, A. N. Garashenkova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2018. – No. 5-1. – Pp. 15-18. – EDN USIWMI.

9. Ryabchenko, A. G. Features of the organization of the trial of state crimes in the Moscow state in the 17th century / A. G. Ryabchenko, D. S. Zlydenko // Society and law. – 2023. – No. 2(84). – Pp. 80-84. – EDN IFQPAY.
10. Tarasenko, I. V. Features of pre-trial proceedings in cases of state crimes in the Moscow state of the 15–17 centuries / I. V. Tarasenko // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. – 2020. – No. 1(838). – Pp. 167-178. – EDN EMMRKK.
11. Yushkov, S. V. History of the state and law of Russia (9–19 centuries) / S. V. Yushkov.– Rostov n/A : Phoenix, 2003. – 735 p.
12. Ivanov, P. I. Professional detective through the eyes of Professor V. P. Lavrov / P. I. Ivanov // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 7. – Pp. 307-310. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_307. – EDN CFDGEK.
13. Kalachov, N. V. On criminal law according to the Judicial Code of Tsar John Vasilyevich / N. V. Kalachev // Legal notes published by Peter Redkin, Doctor of Law and ordinary professor of the Imperial Moscow University. – M.: In the University Printing House, 1842. – Volume II. – Pp. 306-408.
14. Golubev, A. A. The Robbery order / A. A. Golubev. – Moscow, 1884.
15. The Cathedral Code of 20.01.1649 // PSZ-1. – No. 1.
16. Panfilets, A.V. The origin of Russia's political investigation: from the oprichnina to the order of secret affairs / A.V. Panfilets, A. B. Fedorov, A. L. Bredikhin // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1(99). – Pp. 37-43. – EDN RIDVXO.
17. Gurland, I. Ya. The order of the great Sovereign of secret affairs / I. Ya. Gurland. – Yaroslavl : Gubernskago board, 1902. – 390 p.
18. Collection of State charters and treaties kept in the State Collegium of Foreign Affairs. Part 4. – Moscow : in the printing house of N.S. Vsevolozhskago, 1813-1894. – Moscow, 1828. – 656 p.
19. Veretennikov, V. I. The history of the Secret Chancellery of Peter the Great : [Dis.] / V. I. Veretennikov. – Kharkov : printing house "Pechersky delo", 1910. – 306 p.
20. Novombergsky, N. Ya. The word and deed of the sovereign: (trials before the publication of Alexei Mikhailovich's Code of 1649). Volume 1 / N. Ya. Novombergsky. – Moscow : A. I. Snegireva Publ., 1909-1911, 1911. – 593 p.